

Анри де Ренье

Письмо г-на де Симандр

Анри де Ренье

Маркиз д'Амеркер
(сборник)

*Часть сборника
Маркиз д'Амеркер (сборник)*

Анри де Ренье

Письмо г-на де Симандр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22823163

Аннотация

«Пользуясь отпуском одного из моих людей, который направляется в ваши края, чтобы написать вам, мой милый кузен, я беру в то же время на себя смелость рекомендовать вам этого бездельника. Это славный парень; вы без сомнения сумеете его использовать. Он умеет найтись во всех обстоятельствах, у него удивительная выдержка и мне бы хотелось чтобы сын ваш именно в этом походил на него, потому что ваш Полидор будет темой моего письма, так как мое собственное здоровье прекрасно, а годы предохраняют меня от того рода приключений, к которым он более чем склонен...»

Анри де Ренье

Письмо г-на де Симандр

Пользуясь отпуском одного из моих людей, который направляется в ваши края, чтобы написать вам, мой милый кузен, я беру в то же время на себя смелость рекомендовать вам этого бездельника. Это славный парень; вы без сомнения сумеете его использовать. Он умеет найтись во всех обстоятельствах, у него удивительная выдержка и мне бы хотелось чтобы сын ваш именно в этом походил на него, потому что ваш Полидор будет темой моего письма, так как мое собственное здоровье прекрасно, а годы предохраняют меня от того рода приключений, к которым он более чем склонен.

Поэтому о себе я не стану говорить. Меня вы знаете вдоль и поперек, с эфеса до острия, с первой позиции до выпада. Я остаюсь тем же, что прежде, и совершенно не замечал бы течения лет, если бы разница между людьми нашего времени и современною молодежью не заставляла бы меня чувствовать то что отделяет нас. Наша юность непохожа на ихнюю и старость наша слишком далека от них.

Полидор известил меня о своем прибытии и о намерении приехать сюда речным путем ради приятности дороги и живописности берегов. Медленность барок ему больше нравится, писал он, чем почтовая спешка; плеск весел ему кажется более гармоничным чем галоп коренника. Это, по крайней

мере, я сумел разобрать в мудреной и лаконичной его записке, которая обеспокоила меня духами своих восковых печатей и совсем ошеломила галиматьей своих бессмыслиц, тогда как претенциозные росчерки его почерка: меня привели в положительное отчаянье.

Я снял очки и сложил их на стол. Я набил трубку и, ожидая, пока этот волокита спустится по реке и высадится на Понбурской пристани, стал курить, глядя на небо, сквозь стекла моих окон, лаская своего пса и так проводя понемногу время.

Вы тоже могли бы познакомиться и с этим кусочком неба, и с моей собакой Диогеном, и с места-ми, в которых я обитаю, мой дорогой кузен, если бы вы когда-нибудь решились на то, что предпринял Полидор; но местопребывание моего воеводства и старый замок, в котором я представляю авторитет государя, советчиком фантазии которого вы являетесь, разумеется, не может соблазнить ничем такого интригана, как вы. У вас свой пост при дворе, и вы не станете рисковать упустить просвет какой-нибудь возможности, теряя время па посещение берлог старого служаки в роде меня. Впрочем, хотя вы и не намного моложе меня, но говорят про вас что вы более подвижны, потому что реверансы пируэты и ожидания в приемных калечат меньше, чем конные форпосты. Осады и засады наделали то, что я вот иду уже вспять, а Вы все еще движетесь вперед, расфранченный и игривый, нюхая табак из бриллиантовых придворных табакерок, тогда

как я достаю свой из глиняных горшков кордегардии, – и вы будете читать сквозь черепаховый лорнет то, что я пишу вам при помощи моих роговых очков.

Несмотря на некоторую дальновзоркость, дорогой кузен, зрение мое еще хорошо, и я люблю глядеть на то, что могу созерцать каждый день. Мне близки те предметы, которые окружают меня. Я знаю своих офицеров и по имени каждого из моих солдат, Я узнаю каждого часового по тому, как он стучит прикладом о старые камни крепостных стен. Окно мое выходит на прямую буковую аллею, по которой я прогуливаюсь, облокотившись на решетку, я вижу отвесную стену; направо и налево толстые башни делают ее еще массивнее своей солидной кладкой.

Они поддерживают обширную укрепленную террасу, на которой стоит замок, и воинственный и нарядный, среди деревьев и цветников. Это действительно прекрасное место. Отсюда виден весь город с его домами, глубокими улицами, развернутыми площадями, угловатыми колокольнями и набережной вдоль реки пересеченной мостом.

Однажды, около четырех часов, когда я смотрел оттуда на фуражиров, возвращавшихся с работы с большими вязанками сена (они смеялись, некоторые жевали стебельки цветов), мне доложили, что прибыли барки.

Они были в завороте реки сзади большого острова, поросшего тополями. Я спустился к пристани, чтобы посмотреть, как они станут причаливать. Они приближались понемногу,

лавируя меж песчаных отмелей по намеченному фарватеру. Можно было различить четыре – одну за другой. Все были с белыми собранными парусами; борта были выкрашены в яркие краски. Весла больше не действовали. Лодочники пихались шестами. Наконец, они пристали. Их закрепили у набережной и спустили сходни.

Полидор поднялся с подушек, на которых он лежал на носу ладьи. Легкий тент защищал его от солнца; шелковая ткань была растянута поверх четырех серебряных древков; он приподнял ее край рукою, осыпанной перстнями. Костюм его изумил меня; на нем было широкое разноцветное одеяние, а в петлице у него верещал, один из этих пестрых тюльпанов, которых зовут попугаями. Впрочем, сама барка была сплошной птичьей клеткой. Я немного неосторожно, быть может, соскочил на палубу потому что клетки переполненные любопытными птицами всполошились с хлопаньем крыльев и криками, а я носком сапога попал в мандолину, которая тоже валялась там. Кучи книг, в которых я запутался, рухнули в воду и погрузились, увлекаемые тяжестью своих переплетов. Голубоватые, темно-красные, зеленые и пурпурные, их сафьяны и инкрустированные кожи, казалось, сквозь воду, в которую они погружались, превращались в разноцветных рыб, – зеленоватых мурен и оранжевых карпов.

Чтобы завершить смятение маленькая обезьянка, которой я наступил на хвост, с криком влезла на снасти, и, добравшись до вершины мачты, уселась там и щурила глаза на сво-

ем голом лице.

Полидор сделал вид, что он ничего не замечает и усадил меня; он выказал себя более церемонным, чем экспансивным, но проявил утонченнейшую любезность. Он пригласил меня обедать.

Барки зашвартовались в линию, и можно было удобно переходить с одной на другую. Накрытый стол ждал нас на второй. Вечер был прекрасный и теплый, а обед – превосходный. Обезьянка, спустившаяся со своей мачты, прыгала вокруг нас, жонглируя стеклянными шариками, которые разбивались, распространяя приятные ароматы.

В конце обеда, придя в хорошее расположение духа, я стал намекать Полидору, что не сомневаюсь в том, что третья барка ревниво скрывает какую-нибудь прекрасную даму, в которую он влюблен. Он улыбнулся и, взяв меня за руку, попросил следовать за ним. Эта барка была устроена несколькими будуарами и салонами для отдыха. Она была обита драгоценными шелками; хрустальные и бронзовые люстры незаметно покачивались от легкой речной зыби; в середине была зеркальная ротонда.

Предложению моему поселиться в замке Полидор предпочел пребывание на своих барках. Четвертая, в которой я оставил его, состояла из удобных комнат. Я пожелал ему доброй ночи и удалился.

Несколько дней спустя он навестил меня. Он нес под мышкой книгу и зонтик для защиты от солнца. Я показал

ему замок. Он живо заинтересовался мхами, покрывавшими старые камни. Мне он показался бледным, и я поставил ему в упрек однообразие его жизни. Мои офицеры, добрые малые, умеющие повеселиться, могли бы его развлечь в его уединении. Он отказался. «Нет, – сказал мне он, – я предпочитаю мой плавучий дом. Река навевает сладкий сон: она баюкает еле слышно, и течение ее так же беззвучно, как течение жизни, и чувствуешь, она тебя несет и в то же время не уносит течением. Я люблю мое сидячее уединение; я люблю остроконечную и очаровательную тень, которую каждый вечер бросает на воды ваш замок. Сквозь большую арку моста я вижу тополя на острове; здесь так недалеко море, что некоторые чайки залетают даже сюда, я люблю их полет; лет ласточек тоже развлекает меня, летучие мыши чертят свои круги, и моя обезьянка сторожит их по вечерам. Они птицам то же, что она человеку, и подозрительны и близки».

Увидав, что Полидор упорен в своих странностях, я не стал нападать на них и, перестав им заниматься, вернулся к своим делам.

Я собирался сделать объезд в стране. В назначенное утро, вместе со свитой переезжая мост, я увидел Полидора, который кланялся мне со своей барки. Он только что выкупался в реке и стоял еще весь струящийся водой. Голый, он вовсе не был, как я думал, худым и слабым. Солнце сверкало каплями на его белой коже, и он казался в этом ярком утре гибким, нервным, с крепкой кожей и внушительными мускулами. Я

ответил ему на поклон; он нырнул и вода брызнула вокруг него.

По моем возвращении я был ошеломлен теми слухами, которые меня встретили. Полидор убил двух человек на дуэли и вел по всей стране необузданную и неожиданную жизнь. Город и его окрестности шумели молвой, и обычное их спокойствие казалось замороженным. Целый век строгой морали растоплял свою пристойность, как воск, на алтаре дьявола. Веял ветер безумия. Строгие обеды прежних времен превращались в оргии; сдержанные кадрили оканчивались сарабандами; прежние интриги становились скандалами.

Полидор неуклонно вел за собой это безумие, с улыбкой на устах, с розой в петлице. Зараза охватила окрестности. Одни за другим замки, тихие в глубине своих тенистых аллей, оцепеневшие среди своих бассейнов, корректные среди своих парков, осветились иллюминациями.

Распахнулись для танцев залы. Потешные огни заплелись в гирлянды. Праздничные кареты и дорожные коляски встречались посреди дороги, спеша на торжество или на похищение. Начались стройки, лестница каменщика, прислоненная к стене, оказывала услуги любезнику. Начались маскарады. Однажды утром барки, куда щеголи собирались каждое утро получать от Полидора распределение дня, оказались безгласны. Сходни не были спущены; обезьянка больше не влезала гримасничать на мачту.

Все казалось погруженным в сон. В полдень никто не вы-

шел. Стали беспокоиться. Эти элегантные господа оживленно переговаривались. Отсутствие Полидора изумляло их менее, чем отсутствие слуг. Наконец, было решено осмотреть барки. Ко мне обратились за советом, и я отдал приказ. Первая была пуста. В клетках ни одной птицы; порванные струны мандолины и книга, раскрытая на вырванной странице. В столовой опрокинутый стакан оставил красное пятно на скатерти.

Достигли гостиных. Двери заперты. Их взломали. Все толпились, чтобы взглянуть. Мы вошли. Никого. Но в большом будуаре, устроенном ротондой, где все зеркала были разбиты их гневом, нашли одних, с распущенными волосами, склоненными или лежащими совершенно нагими, девять красивейших дам города, из которых каждая без сомнения туда проникла тайно, и они оказались там соединенными по удивительному капризу их единственного многоликого и менявшего их Любовника.